

*Сергей Ким — психолог,
литературный редактор.
Окончил Тартуский университет.
Публиковался в журналах
«Октябрь», «Звезда», «Воздух»,
а также в изданиях Литература,
Rara Avis, Textura и др.*

Сергей КИМ

Журнал «Простор» как культурный феномен в годы редактора И. Шухова

Смерть Сталина 5 марта 1953 года без преувеличений можно назвать одной из крупнейших исторических вех в истории Советского государства. Политические процессы, запущенные этим событием, довольно скоро привели к кардинальным преобразованиям во всех областях общественной жизни, в том числе и в культуре, что представляет для нас наибольший интерес. Генсеком была выстроена монолитная и жестко иерархическая модель в несколько этапов. Первый этап датируется началом 30-х годов, когда Сталин уже окончательно монополизировал политическую власть после устранения своих прямых конкурентов и решил укрепить ее за счет ресурсов пропаганды. Создание творческих союзов, усиление цензуры послужили инструментами для осуществления его целей. Второй этап начинается сразу после войны и длится вплоть до 1953 года. Постановление Политбюро 1946 г., направленное против журналов «Звезда» и «Ленинград», послужило предзнаменованием новой волны ужесточения культурной политики. Но без былой поддержки репрессивных органов вскоре модель начала давать трещины и к концу 80-х годов, после объявления Горбачевым «гласности», практически превратилась в колосса на глиняных ногах. Процесс разложения и демонтажа этой системы представлял собой постепенное отвоевывание у государства отдельными «работниками культуры» и их объединениями права на относительную независимость от политической конъюнктуры.

В литературе главной ареной этого «боя» стали литературные журналы и газеты. Они выступали в качестве трибун и рупоров для литераторов и партийных деятелей, защищавших свои интересы с помощью различного рода публикаций. Уже к концу 50-х годов все основные журналы можно было расположить на оси в промежутке между двумя полярными изданиями: «Октябрем», лояльным наиболее консервативным членам Политбюро и ЦК партии и продолжающим культивировать стандарты соцреализма, и прогрессивным «Новым миром», который (делая скидку на личные предпочтения главного редактора Твардовского и его сотрудников) пытался печатать более актуальную литературу, в том числе порой идущую вразрез с интересами многих, включая и весьма влиятельных, партийных функционеров.

В те годы, особенно после развенчания культа личности Сталина на XX съезде КПСС в 1956 г. в докладе Хрущева, многие дискурсивные табу по-

В редакции «Простора»: Иван Шухов, Габиден Мустафин, Габит Мусрепов

шатнулись (например, запрет на упоминание сталинских лагерей и незаконных арестов, что доказывает публикация в августе того же года романа Дудинцева «Не хлебом единым» в «Новом мире»). В условиях неопределенности новых рамок дозволенного, противоречивости вкусов самого Хрущева, инициировавшего эту историческую ревизию, повлекшую за собой громадные политические последствия, борьба на литературном поле разворачивалась за публикации маргинальных текстов, балансировавших на грани табу. Речь шла о произведениях репрессированных авторов, идеологически неоднозначных текстах, а также любых других, по каким-то причинам не вписывающихся в прокрустово ложе советской официальной литературы.

В это «оттепельное» время многие провинциальные журналы, в том числе выходившие в столицах союзных республик СССР — вроде «Литературной Грузии», «Литературной Армении» или «Звезды Востока», — беря в пример «Новый мир» Твардовского, тоже печатали такую литературу, которую нельзя было представить на страницах официальных журналов в сталинское время. Не столь ретивая цензура на местах это позволяла (к тому же последствия для работников этих журналов часто тоже были не столь болезненны, как, например, в Москве или Ленинграде). Одним из таких журналов был алма-атинский «Простор», который в 60–70-е годы получил общесоюзную известность. Это было обусловлено во многом (если не исключительно) благодаря стараниям его главного редактора с 1963 г. по 1974 г. — писателя Ивана Петровича Шухова, наверное, самого признанного русскоязычного писателя Казахстана начиная с 30-х годов.

Как кажется, анализ эго-документов современников журнала (авторов и наследников, публиковавших тексты, и читателей) позволяет в достаточной мере оценить статус и значимость журнала для того времени, поэтому в этой статье мы рассмотрим две «громкие» просторовские публикации 60-х годов (в действительности их гораздо больше) и читательскую рецепцию, вызванную ими.

Стихи Мандельштама

В 1965 году в № 4 журнала «Простор» была опубликована подборка из 16 поздних стихотворений Мандельштама (московские и воронежские стихи 30-х годов, ранее не издававшиеся) с предисловием Эренбурга. Эта публикация подробно описана П. Нерлером в статье «Вот у меня журнал “Простор”. Эпизод из истории посмертной публикации стихов Мандельштама на родине» [11]. Повторим здесь только, что к тому моменту это была одна из первых послевоенных крупных публикаций поэта, прежде лишь в 1961 г. в «Новом мире» в мемуарах того же Эренбурга были приведены два текста: «Пусти меня, отдай меня, Воронеж» и «Почему ты всё дуешь в трубу, молодой человек...». В 1962 г. четыре стихотворения появились в сборнике «День поэзии», в 1964 г. благодаря стараниям редактора Евгении Ласкиной в журнале «Москва» были напечатаны еще 8 стихотворений [11, с. 523]. Таким образом, подборка в казахстанском журнале была в числе наиболее ранних. Примечательно также, что на вечере памяти Мандельштама на мехмате МГУ 13 мая 1965 года через месяц после публикации в «Просторе» Эренбург с трибуны читал стихи по алма-атинскому журналу [11, с. 528].

Последующие годы отмечены всплеском публикаций не только стихов Мандельштама, но и прозы, причем чаще всего это происходило в региональных журналах. Если в 1965 г. была только одна журнальная публикация стихов Мандельштама в «Просторе», то уже в 1966 г. подборки выходят в «Литературной Армении» (цикл «Армения» — 12 стихотворений), в воронежском «Подъеме» (10 стихотворений), снова в «Просторе» (4 стихотворения), в «Пионере» (6 стихотворений). В 1967 г. в той же «Литературной Армении» выходит «Путешествие в Армению», в «Искусстве» — «Разговор о Данте», статья «Детская литература» в журнале «Детская литература», а также стихи в специальном выпуске ташкентской «Звезды Востока», посвященном жертвам землетрясения 1966 г., а в «Литературной Грузии» большая подборка более чем из 30 стихотворений и переводов. Примерно с 1969 года вплоть до конца 70-х количество публикаций сокращается, но сохраняется их постоянство, а уже в 80-е годы намечается новый подъем [10, с. 169–171]. Всё это делает ранние публикации 60-х годов особенно значимыми, поскольку именно они открывали для широкого читателя неизвестные или циркулировавшие в самиздате (и тамиздате) стихи Мандельштама.

Именно с этим сюжетом связано большое количество упоминаний «Простора» в эго-документах того периода. В первую очередь это письма Надежды Яковлевны Мандельштам, подготовившей для «Простора» подборку. О планах публикации читаем в письме 22 декабря 1964 г. из Москвы в Псков Е. А. Маймину: «Постарайтесь достать алма-атинский «Простор» (№ 9); там напечатана повесть “Джан” Платонова. Прочтите! Они хотят печатать подборку О. М.» [8, с. 326]. Через 4 месяца, в апреле 1965 г. подборка была напечатана, и уже 13 мая семье Майминых Н. Я. пишет: «В журнале “Простор” (Алма-Ата) огромная подборка стихов» [8, с. 327]. 15 мая 1965 г. она пишет письмо главному редактору «Простора» И. Шухову с просьбой прислать 30 экземпляров в Москву:

Уважаемый Иван Петрович! Благодарю Вас за номер «Простора». Очень рада видеть такую отличную подборку. Посылаю два документа о моем наследственном праве на сочинения Осипа Эмильевича. У меня есть еще одна к Вам просьба: распорядитесь, чтобы мне за счет гонорара выслали три десятка номеров «Простора» с публикацией. В Москве они будут редкостью, и все будут просить их. Будете ли Вы отмечать юбилей Данте? У О. М. есть большая статья («очерк», как говорил Андрей Белый) — «Разговор с Данте». Я думаю, из нее можно было бы подобрать две-три главы для журнала. Еще раз благодарю Вас. Надежда Мандельштам [18, с. 180, 181, 219]¹.

В письме к Н. Штемпель, нижняя граница которого датируется серединой мая 1965 г., находим: «<...> В журнале “Простор” (Алма-Ата) напечатана большая подборка Осиповых стихов (Волк, Белому, 300 строк). У меня журнала нет. Я пишу в редакцию» [7, с. 334]. Таким образом, письмо Шухову позволяет уточнить вероятную датировку письма к Штемпель — не позже 15 мая. В следующем письме конца мая — начала июня 1965 г. к ней же Н. Я., не получив еще высланных из редакции «Простора» журналов, сетует: «Алма-Ата напечатала 16 стихотворений (журнал “Простор”), но мне даже не ответила на письмо (о гонораре и 30 экземплярах журнала)»² [7, с. 335]. К августу письма из редакции «Простора», судя по всему, наконец доходят до Н. Я.: А. Гладков, побывавший в гостях у нее, записывает в своем дневнике 31 августа: «Вчера были в городе. Обед с Н. Я. в “Софии”, потом у нее. Художник Вайсберг (кажется, так). Н. Я. дарит мне книгу. Она еще в Верее, в конце ноября собирается переезжать в новую “свою” квартиру. Показывала журнал из США с глупой и мелкой статьей об О. Э. “Простор” ей заплатит и хочет печатать еще...» [4]

В большом письме к Н. Струве осенью 1965 г. Н. Я. пишет: «Видели ли вы публикацию стихов Осипа Эм. в журнале “Простор”, который издается в Алма-Ате? К сожалению, там тоже куча опечаток. Такая уж судьба...» [6, с. 321]. Первая реакция на мандельштамовскую подборку появляется в сентябре в «Литературной газете» под рубрикой «Редакционный дневник». В статье под названием «Без ясной цели» критикуются подборки стихов Северянина в «Литературной России», Мандельштама в «Просторе», а также статья о Пастернаке в «Юности». О просторовской говорится следующее:

В казахстанском журнале «Простор» (№ 4) под рубрикой «Из неопубликованного или забытого» напечатана подборка стихотворений Осипа Мандельштама. Творчество О. Мандельштама мало известно сегодняшнему широкому читателю. Естественно было бы ожидать, что редакция журнала постарается возможно более разностороннее представить сложный творческий облик поэта.

К сожалению, этого не произошло. В подборке напечатаны в основном трагические стихи О. Мандельштама (притом весьма неравноценные), и это создает у читателя одностороннее представление о поэте. Не исправляет, а усугубляет такое представление пре-

¹ Текст письма Н. Я. Мандельштам Шухову приводится в двух статьях: «Колокол на мизинце бога». Л. Кашиной и «У истории на ветру» Л. Варшавской. Первое письмо более полное, а второе содержит точную датировку. По-видимому, Кашина воспроизводит оригинальный текст, а Варшавская пишет по памяти либо редактирует и сокращает его, выделяя важный для нее фрагмент, но не оговаривая это специально.

² История переписки Н. Я. Мандельштам с редакцией «Простора» по поводу высланных из Алма-Аты экземпляров также описана Нерлером [11, с. 527–528].

дисловие к подборке, написанное И. Эренбургом. Биографические факты, которые читатель узнает из предисловия, в основном относятся к трагическим годам жизни поэта. Что же касается поэзии О. Мандельштама, ее социальной направленности, свойственных ей противоречий, то об этом ничего определенного не сказано. В предисловии содержится весьма субъективная, произвольная трактовка нашей поэзии двадцатых и тридцатых годов, односторонен перечень поэтов, воздействовавших на поэзию тех лет.

В редакции «Простора» не задумались над тем, каким предстанет поэт перед читателями журнала. В угоду «сенсационности» редакция пожертвовала полнотой истины¹.

И тот же Гладков мгновенно откликается на это событие: «А в “Лит. газете” осторожно бранят “Простор” за подборку Мандельштама и “Юность” за Пастернака, но тоже так обходительно и туманно, что диву даешься. Устанавливается уже такой стиль: каждое резкое слово обернуто, словно стекло, в стружки, в обволакивающие оговорки» [4].

Сюжет, примыкающий к публикации стихов в «Просторе», связан с вечером памяти Мандельштама на мехмате МГУ в мае 1965 г. Присутствовавшие на этом вечере А. Гладков и В. Шаламов, первый в дневнике, второй в воспоминаниях, отметили, что Эренбург читал стихи по журналу «Простор» [11, с. 528–539]. Шаламов даже приводит речь Эренбурга, который, помимо прочего, сказал: «Мандельштам только сейчас возвращается к читателю. Правда, в журнале “Москва” была напечатана подборка стихов и статья Н. К. Чуковского. Вчера я получил журнал “Простор”, где опубликован цикл замечательных стихов. Алма-Ата опередила Москву. В жизни много странностей. Начинает Алма-Ата, а не Москва, начинают студенты, а не поэты. Это и странно и не странно» [17, с. 304]. Непонятным остается, почему Эренбург отодвигает на второй план более раннюю публикацию стихов Мандельштама в «Москве» и переворачивает картину. Возможно, дело в том, что в это время у него есть свои планы на дальнейшее сотрудничество с «Простором», и таким жестом он пытался привлечь к журналу дополнительное внимание. Нерлер в упомянутой статье пишет о расчете Эренбурга «опубликовать некоторые главы из книги “Люди. Годы. Жизнь” — из числа тех, от которых отрещивался “Новый мир”» [11, с. 525–526]. Уже через два месяца после вечера Мандельштама в МГУ 27 июля 1965 года Эренбург получает письмо от Ю. Домбровского, близкого журналу «Простор», в котором идет речь о публикации романа Хемингуэя «По ком звонит колокол»:

Многоуважаемый Илья Григорьевич! У редакции «Простора» возникла мысль: в ближайших номерах журнала опубликовать «По ком звонит колокол».

Редакция исходит из того бесспорного факта, что никаких запретов — ни цензурных, ни политических на это — может быть, лучшее произведение Хемингуэя — не наложено, и о нем упоминается во всех статьях и работах, посвященных покойному. Следовательно, речь может идти (и идет!) только о чьей-то личной нежелательности.

В Москве и Ленинграде дело, конечно, осложнено присутствием, звонками и хлопотами известной Вам особы <председатель компартии Испании Долорес Ибаррури>. Здесь этой трудности — нет.

¹ Без ясной цели // Литературная газета. 1965. 9 сентября.

Редакции представляется далее, что публикация романа именно в «Просторе» может быть принята Москвой — даже с известным удовлетворением [16, с. 590].

Далее Домбровский просит написать вступление к публикации. Эренбург на это письмо ответил уже через 4 дня, 31 июля: «Буду рад, если “По ком звонит колокол” Э. Хемингуэя удастся напечатать в “Просторе”. Вступление напишу» [18, с. 181]. Из этой затеи ничего не вышло, однако сотрудничество всё-таки продолжилось: в первом номере за 1966 г. «Простора» вышли стихи самого Эренбурга. А в некрологе, опубликованном в № 9 за 1967 г., давалась высокая оценка воспоминаниям «Люди, годы, жизнь», во круг которых в советской печати велась яростная полемика.

Итак, подведем некоторые предварительные итоги. Реабилитация Мандельштама не привела к тому, что идеологические нападки в его отношении прекратились — Н. Я. Мандельштам даже в 60-е годы с трудом добивалась отдельных публикаций. В то время она искала любую возможность для того, чтобы напечатать тексты мужа. «Простор» не был для нее каким-то принципиальным выбором, в то время у журнала еще не было той репутации, которая заставляла авторов самим писать Шухову с просьбами посмотреть рукописи. Однако она начала складываться в том числе благодаря публикации стихов ее мужа, которая, по всей видимости, привлекла широкое читательское внимание к журналу и к Шухову как редактору.

«1000 дней академика Вавилова»

В конце 1920-х и — более активно — в 1930-е годы в Советском Союзе репрессиям стали подвергаться многие сотрудники Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени Ленина (ВАСХНИЛ), биологи, агрономы и генетики [14, гл. 5]. В 1940 г., несмотря на свою мировую славу, был арестован сам создатель ВАСХНИЛ — академик Н. И. Вавилов. Через три года он умер в саратовской тюрьме НКВД, куда был эвакуирован из Москвы в военное время. Аресту Вавилова во многом способствовали Т. Д. Лысенко (позже сам ставший руководителем ВАСХНИЛ) и его сторонники, которые при поддержке самого Сталина монополизировали право на научную истину в биологии и нередко в форме политического доноса набрасывались на своих оппонентов¹. Вплоть до смерти Сталина в 1953 г. фигура Лысенко в биологии была непоколебимой. Как пишет Ж. Медведев о 1948–1952 годах: «Культ Т. Д. Лысенко был раздут в эти годы до баснословных размеров. Он оказался, по-видимому, единственным в истории ученым-биологом, “заслужившим” титул “великий” еще при жизни. Портреты Т. Д. Лысенко висели во всех научных учреждениях. В художественных салонах продавались бюсты и барельефы Т. Д. Лысенко <...> В некоторых городах были установлены памятники Т. Д. Лысенко...» [9, с. 183–184]. Несмотря на реабилитацию Н. И. Вавилова в 1955 г. и публикацию отдельных его работ, положение Лысенко в конце 50-х оставалось вполне устойчивым. Его уже можно было критиковать, но вместе с тем примерно во второй половине 50-х его под свое покровительство берет Хрущев и вскоре снова ставит главой ВАСХНИЛ. Сойфер замечает, что «после снятия Хрущева с поста 1-го секретаря ЦК партии критика Лысенко в печати была прекращена. Многими это воспринималось как следствие мистического умения Лысенко выходить сухим из воды при любых вояжах. Однако определяющими в этом

¹ Доказательству научной некомпетентности Лысенко посвящена, к примеру, книга А. А. Любищева «О монополии Т. Д. Лысенко в биологии» [5].

подавлении критики были не личностные качества Лысенко, а консолидированная воля коммунистов, остававшихся у руля высшей власти. Лысенко был продуктом их системы, потому публичное осуждение самих себя было для них святотатством [14, с. 893].

Так мы подошли к 1966 году, когда в №№ 7–8 журнала «Простор» появляется повесть М. Поповского «Тысяча дней академика Вавилова». Сам Поповский в интервью говорил о своих попытках написать биографию Вавилова в начале 60-х годов следующим образом:

...ни в 1961 г., ни в 1962 г. мои попытки заключить договор на эту книгу ни к чему не привели. Издательство «Молодая гвардия», куда я подавал заявки, отвечало, что писать о Николае Вавилове еще «не время» <...> Было ясно, что, пока академик Т. Д. Лысенко верховодит в биологической науке, никакую правду сказать о Вавилове не удастся. Но уже через два-три дня после того, как произошло смещение Н. С. Хрущева, я написал письмо заведующему отделом публицистики в «Новом мире» А. М. Марьямову с просьбой командировать меня в ленинградские архивы. Осенью 1964 г. я был первым, кто «ворвался» в ЛГАОРСС (Ленинградский государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства), первым увидел документы о Вавилове и смог писать о нем. В результате этой поездки возникла та часть книги, которая потом стала называться 1000 ДНЕЙ АКАДЕМИКА ВАВИЛОВА и была опубликована в «Просторе» [12, с. 264–265].

Следует заметить, что даже после реабилитации обстоятельства смерти и сам факт ареста Вавилова замалчивались [15, с. 71–73]. В биографии из серии ЖЗЛ 1962 г., автором которой была Ревенкова, ничего не говорится о репрессиях, аресте и последних годах жизни Вавилова в тюрьме. О самой смерти вообще нет ни слова, только в разделе «Основные даты жизни и деятельности Н. И. Вавилова» двумя последними пунктами значатся:

«1942 — Избрание членом Лондонского королевского общества.

1943 — 26 января скончался 55 лет в расцвете сил» [13, с. 265].

Более того, совсем удивительной эту биографию делает тот факт, что в ней ни разу не упоминаются ни имя Сталина, ни имя Лысенко. Это очередное доказательство того, что положение Лысенко при Хрущеве было весьма крепким.

На этом фоне публикация в 1966 г. в «Просторе» повести о трех годах жизни Вавилова перед арестом, где было высвечено противостояние с Лысенко, выглядела смелой и даже, пожалуй, фрондерской. Ю. Герт описывает реакцию главреда Шухова на публикацию следующим образом: «“Тысяча дней академика Вавилова”... В этой вещи Марк Поповский изобразил сокрушительную мощь сталинщины, направленную на истребление людей науки. Когда мы напечатали “Тысячу дней”, Иван Петрович ходил гордый, смущенный, победительный: удалось, удалось!» [3, с. 238]

Уже в сентябре находим читательские отклики на повесть. А. Гладков 6 сентября 1966 г. записывает в дневнике: «Вика [Швейцвер] принесла № 8 “Простора”, где ее статья и окончание репортажа Поповского о Вавиллове. Надо обязательно его купить» [4].

26 сентября Н. Эйдельман также в дневнике пишет: «М. Поповский в “Просторе” — “1000 дней Н. Вавилова”. Вавилов сам выдвигал Лысенко: картина сильна, Вавилова не пускали за границу, обстановка дискуссий; Сталин, который сказал: “Браво, браво, товарищ Лысенко”» [19]. Л. Варшав-

ская в статье о Шухове-редакторе приводит такое письмо писателя Юрия Германа в редакцию, связанное с повестью Поповского:

Два номера Вашего «Простора» пользуются в Ленинграде необыкновенным, истерическим успехом... Молодец Поповский! «Тысяча дней» имеет такой сенсационный успех, что Ваш покорный слуга получил эти два номера всего лишь на одну ночь — с 11 вечера до 10 утра. <...> Добрая душа, от которой я получил эти книги, тоже литератор. И. Меттер сам достал их на сутки у какого-то биолога. Этот биолог, в свою очередь, выхватил два вышеуказанных номера Вашего журнала у некоего совсем знаменитого ученого, которого он так боится, что моему Меттеру даже не решился назвать фамилию.

Знаменитый зазевался, а менее знаменитый спрятал два «Простора» под пиджак. Если вдруг в Вашей редакции завалелась какая-нибудь грязная верстка этих номеров или потертые, поношенные, уцененные экземпляры, не пришлете ли Вы их мне? Вдруг да судьба мне улыбнется? Ввиду вышеизложенного Вы должны понять, какие грандиозные манипуляции и спекуляции я смогу осуществить, если стану обладателем такого богатства! Как подымутся мои личные акции, представляете себе? На будущий-то год я, конечно, подпишусь на Ваш журнал, если это будет возможно после опубликования Поповского. Вы наши отцы и благодетели, мы Ваши дети. Юрий Герман [18, с. 182].

В первой части письма мы видим полушутливый рассказ о том, как сложно достать два номера «Простора» с повестью Поповского, на какие авантюры для этого приходится пускаться. Здесь любопытно, что описываемая практика чтения журнала совпадает с распространенной практикой чтения самиздата, когда машинопись попадает к человеку на короткое время (часто на одну ночь, как и в этом случае — «с 11 вечера до 10 утра»). Сравним, например, с тем, как чтение самиздата описывает Людмила Алексеева: «У самиздатских копий, как правило, высокий коэффициент читаемости. Они переходят от знакомого к знакомому. Хорошую самиздатскую книгу большинству удается получить на короткий срок, иной раз — на одну ночь, потому что ее ждет очередь желающих прочесть ее. В такую ночь не ложится спать все семейство, а то и друзья приглашаются принять участие в коллективном чтении. Люди сидят вместе, передавая друг другу прочитанные листки. Иногда устраиваются коллективные чтения — вслух с книги или при помощи проектора — с фотопленки» [1, с. 199].

Во второй части письма Герман гиперболизирует ценность выпусков журнала и доходит до того, что в просьбе выслать «какую-нибудь грязную верстку» воспроизводит фразу, которую традиционно крепостные крестьяне адресуют барину: «Вы наши отцы и благодетели, мы Ваши дети»¹. И здесь, как кажется, подразумевается не столько ироническое обращение рядового читателя к главному редактору официального журнала, то есть более высокому в социальной иерархии человеку, сколько коллективное (включая Меттера) писательское обращение к старшему коллеге (несмот-

¹ Практически идентичную фразу приводит в своих воспоминаниях Е. Н. Водовозова, говоря о том, как изменились крестьяне после отмены крепостного права: «...после освобождения некоторые из них подходили к господской ручке, зато в их приветствии слышалось менее рабских слов и вышла из употребления фраза, которую я так часто слышала в детстве в их разговорах со своими помещиками: “Вы — наши отцы-благодетели, а мы — ваши дети”» [2, с. 564].

ря на принадлежность всех троих примерно к одному поколению), который делает вообще некое благое дело, публикуя подобного рода тексты¹.

Текст Поповского, напечатанный в «Просторе», был последней частью предполагаемой биографии «Человек на глобусе», которая должна была выйти в издательстве «Советская Россия», но в последний момент была отвергнута. Сам Поповский утверждает, что «Лысенко послал ряд писем в ЦК, в лице своего сотрудника (профессора!) В. Д. Панникова, потребовал, чтобы издательство расторгло с автором договор» [12, с. 273]. Об этой книге, по всей видимости, еще до ее запрещения, Поповский писал Шухову 1 сентября 1966 г. из Москвы на фоне большого успеха его повести: «Дорогой Иван Петрович! Я закончил книгу о Вавилове и сдал ее в издательство. Сейчас уже более для собственного интереса, нежели для издания, пишу последнюю главу, которую можно было бы назвать “Еще 1000 дней”. Это описание следствия по делу Вавилова, его заключения и смерти. В моем распоряжении потрясающие документы: следственное дело, письма Н. И. из тюрьмы, свидетельства его сокамерников...» [18, с. 179] Эти документы Поповский зачитывал на публичных лекциях, с которыми он выступал тогда же, но надежд на то, чтобы увидеть их в печати, у него не было². Опубликовать книгу уже под другим названием «Дело академика Вавилова» автору удалось только после эмиграции — в 1983 г. в нью-йоркском издательстве «Эрмитаж».

Отношения между Поповским и «просторовцами» после публикации оставались теплыми. При этом сам писатель никогда не забывал успех, с которым прошла его повесть, и, судя по всему, считал, что оказал журналу большую услугу. Показательные записи в его дневнике 1970-х годов, который не был опубликован³.

Запись 29 сентября 1971 года:

Звонил из Алма-Аты главный редактор «Простора» Иван Петрович Шухов. «Мы теперь с Вами связаны навек. Мы столько перестрадали из-за Вас и с Вами, что считаем Вас своим. Пришлите нам какой-нибудь материал, напечатаем непременно».

Звонок вроде ни к чему не обязывающий. Но в моей литературной жизни я вижу так мало ласки, что аж разомлел от радости. Действительно, после публикации повести «1000 дней академика Вавилова» («Простор», № 7, № 8, 1966 г.) мы перемучались немало вместе и порознь. Его трижды снимали с поста редактора, меня два года не печатали и поносили в официальных верхах. По существу, с этого и пошли все мои тяготы и провалы в редакционном

¹ Впрочем, и эта составляющая сообщения (от одного писателя — другому) тоже не лишена доли иронии, поскольку подразумевает также обращение ленинградского писателя — к алма-атинскому, провинциальному.

² Эти публичные лекции Поповского были с этической точки зрения весьма противоречивыми. Мы находим справедливой оценку его действий, которую дает В. Соيفер: «В лекциях на тему о причинах и обстоятельствах трагической гибели Вавилова он заявлял, что с санкции прокурора СССР получил доступ к следственному делу Вавилова и разрешение на оглашение содержащихся в нем документов. Во время лекции в Институте растениеводства в Ленинграде он зачитал протоколы очных ставок, показания Вавилова, якобы вырванные у него под пыткой, акт о его смерти, “доносы” на Вавилова, написанные умершими и ныне здравствующими учеными. Лектор, присвоив себе функции и следователя, и прокурора, и судьи, обличал многих людей и фактически призывал к расправе с ними» [14, с. 929].

³ Отсканированный машинописный текст дневника находится на сайте писателя Эдвигар Арзуняна, который познакомился с Поповским в эмиграции в США [12].

мире. Но одновременно «1000 дней» дала и резонанс. Рецензия в «Тайме», в «Монд», пересказ в газетах и журналах Югославии, Чехословакии, Швейцарии, Австрии... [12]

В 1973 г. Поповский прилетает в Алма-Ату и заходит в редакцию журнала. Запись об этом от 24 марта строится почти тем же образом, что и предыдущая:

Алма-Ата. Прилетел сюда на рассвете, после тяжелой ночи в воздухе. Встретили алма-атинские писатели, сотрудники журнала «Простор». У нас с ними старая дружба. Днем приехал главный редактор «Простора» Иван Петрович Шухов. После публикации моей повести «Тысяча дней академика Вавилова» («Простор» № 7, № 8, 1966 г.) его принуждали подать в отставку. Теперь мы обнялись и расцеловались. Всё-таки у него не так-то много было публикаций, которые вызвали бы отклик лондонской «Таймс» и парижской «Монд» [12].

В записи от 3 февраля 1973 г. автор с ностальгией вспоминает лучшие годы журнала, когда на его страницах печатались Платонов, Мандельштам, Цветаева и в том числе и его повесть:

И. П. [Щеголихин] сообщает, что гл. редактора «Простора» И. П. Шухова травят, ему явно намекают на то, что «пора и на покой». Это значит, что в редакции будет другое руководство, будет и другой журнал, не тот смелый и широко смотрящий «Простор», который вбирал в себя и романы Платонова и стихи Мандельштама, Цветаевой, воспоминания о 20-х годах и меня, грешного («1000 дней академика Николая Вавилова»). Будет другой «Простор», провинциальный и совсем, совсем ручной, где русские станут воссоздавать положительные образы казахских мужчин и женщин, бесплотных и беспорочных как ангелы [12].

Для Поповского публикация в «Просторе» была, вероятно, моментом наибольшего литературного успеха, поэтому он сентиментально относился к журналу и болезненно переживал притеснения Шухова на посту главного редактора и его последующую отставку. Об этом запись 8 октября 1975 г.:

Когда вижу в киоске обложку алма-атинского журнала «Простор», вздрагиваю радостно. С журналом этим связано главное, может быть, событие моей жизни – публикация «1000 дней академика Вавилова». Тогдашний редактор журнала Иван Петрович Шухов не только обласкал меня, но и выстоял за меня нелегкий бой с республиканским начальством. Публиковали в былые времена в «Просторе» стихи Мандельштама и Цветаевой, воспоминания об Андрее Платонове, да и повести местных авторов были совсем не плохи. Дух чести и любви к литературе, дух Твардовского (Шухов и был маленьким Твардовским у себя в Алма-Ате) витал над редакцией. И встреча моя с редакцией в 1972-м тоже была сердечной, теплой встречей с единомышленниками. Но в конце концов Шухова сняли, и журнал, даже за рубежом насчитывавший около сотни подписчиков и многие сотни в Москве, враз стал глухим провинциальным, узко национальным журнальчиком, каковых много и каковые даже как вагонное чтиво не годятся... [12]

Итак, подводя итог, можно еще сказать, что выход повести Марка Поповского «Тысяча дней академика Вавилова» в 1966 г., как справедливо считал и сам автор, действительно обернулся большим успехом. Выпуск алма-атинского журнала распространяется почти так же, как и популярные машинописи, циркулировавшие в самиздате. Это подтверждает и свидетельство эпидемиолога Петра Лернера из Ташкента, знакомого Поповского:

В 1966 году мой алма-атинский друг журналист Рафаэль Соколовский прислал мне два свежих номера литературно-художественного ежемесячного журнала Казахстана на русском языке «ПРОСТОР». В этих журналах впервые была опубликована документальная повесть известного писателя Марка Поповского о замученном НКВД и умершем в лагере ученом Николае Вавилове. На прочтение мне было отведено двое суток. В эти годы журнал был широко известен за пределами Казахстана, и достать его было практически невозможно. В библиотеках на него записывались за несколько месяцев вперед¹.

Вероятно, в промежутке между 1964 годом, когда Шухов вел переговоры с Н. Я. Мандельштам, и 1966 годом его редакторская репутация уже окрепла. А провинциальность журнала, отдаленность его от Москвы и, следовательно, строгого партийного надзора до определенной степени упрощала публикацию текстов, посягающих на авторитет влиятельной номенклатурной группы.

Заключение

Шухов и его сотрудники в большой степени ориентировались на главный либеральный журнал того времени — «Новый мир». И сами сотрудники «Простора», и многие читатели в некотором смысле рассматривали его как филиал «Нового мира» в Алма-Ате. Существует отдельная мифология, связанная с выявлением родственных связей между двумя журналами. Так, Илья Шухов в статье об отце воспроизводит фразу, якобы сказанную Суловым, членом Политбюро, ответственным за идеологию и культуру, первому секретарю ЦК КП Казахстана Кунаеву уже после отставки и смерти Твардовского: «Зачем нам еще ваш тамошний второй “Новый мир”?» [18, с. 68]. Журналист Сергей Баймухаметов часто ссылается на легендарную предсмертную реплику Твардовского: «Ничего... есть еще Иван Шухов, есть еще журнал “Простор”» [18, с. 97] — и усматривает параллели в биографиях литераторов: «Твардовский умер через два года после изгнания его из “Нового мира”, в 1971-м. Шухов — через три года после изгнания из “Простора”, в 1977-м» [18, с. 99]. Юрий Герт в мемуарах подчеркивает еще одну связь между журналами: «Твардовского “убрали” <...> из “Нового мира” в 1969 году, Шухова из “Простора” — спустя пять лет. Эти годы для него были продолжением борьбы — но уже в одиночку: из его рук был выбит хотя и не самый убедительный для его противников, но все же аргумент: «А Твардовский печатает...». Напротив, у наших врагов появилась новая угроза: «Доигрались в “Новом мире”?.. И вы доиграетесь...» [3, с. 240]. Об отношении Шухова к Твардовскому тот же Герт пишет: «Перед Твардовским Шухов благоговел. В его

¹ Опубликовано на личной странице П. Лернера в Интернете. http://world.lib.ru/l/lemer_p_m/popowskijmarkaleksandrowich.shtml. Дата обращения: 12.05.2018.

светлых, немного навывкате глазах появлялось какое-то умиленно-радостное выражение при одном упоминании о нем. Твардовский был для него воплощением народного начала в литературе, народным поэтом. В Твардовском чувалось ему нечто близкое, родственное — в крестьянском начале (Иван Петрович был из рода сибирских казаков), в отношении к языку, в слиянии “правды” и “искусства”, в презрении к самодовлеющему эстетству. Наконец — в понимании особого значения литератора на Руси, где писатель бывал еще и просветителем, и общественным деятелем, редактором или издателем — будь то Пушкин, Толстой, Достоевский, Горький... Вероятно, причастностью к этой — пропущенной через судьбу Твардовского — традиции Шухов тайком гордился, она придавала ему сил...» [3, с. 241].

В заключение можно отметить, что опыт шуховского «Простора», как кажется, является прекрасной иллюстрацией того, как один неравнодушный литературный деятель, обладающий сильной (в том числе политической) волей, практически в одиночку способен трансформировать культурный ландшафт страны. Может быть, этот опыт сможет послужить вдохновением и для современных казахстанских культуртрегеров.

Литература

1. Алексеева Л. М. История инакомыслия в СССР. Вильнюс – Москва, 1992.
2. Водовозова Е. Н. На заре жизни. Воспоминания. СПб., 1911.
3. Герт Ю. М. Семейный архив. Seagul Press, 2002.
4. Гладков А. К. Дневник. Публ., вступ. и комм. М. Михеева // Новый мир. 2014. № 3.
5. Любищев А. А. О монополии Т. Д. Лысенко в биологии. М., 2006.
6. Мандельштам Н. Я. Третья книга. Воспоминания. М., 2006.
7. Мандельштам Н. Я. Об Ахматовой. М., 2008.
8. Мандельштам Н. Я. «Посмотрим, кто кого переупрямит...». М., 2015.
9. Медведев Ж. А. Взлет и падение Лысенко. М., 1993.
10. Мандельштамовская энциклопедия: В 2 т. Т. 2 / Гл. ред. П. М. Нерлер, О. А. Лекманов. М., 2017.
11. Нерлер П. М. Вот у меня в руках «Простор». Эпизод из истории посмертной публикации стихов Мандельштама на родине // Тыняновский сборник. Выпуск 13: XII–XIII–XIV. Тыняновские чтения. Исследования. Материалы. М., 2009. С. 523–534.
12. Поповский М. А. Семидесятые (записки максималиста). Режим доступа: <http://edvig-arhiv.narod.ru/popovsky-semidesyatye.htm>.
13. Ревенкова А. И. Николай Иванович Вавилов. 1887–1943. М.: Изд-во сельскохозяйственной литературы, журналов и плакатов, 1962.
14. Сойфер В. Н. Власть и наука. Разгром коммунистами генетики в СССР. М., 2002.
15. Федотова А. А. Юбилей Николая Вавилова в меняющихся политических контекстах // Историко-биологические исследования. 2015. № 2.
16. Фрезинский Б. Я. Я слышу всё... Почта Ильи Эренбурга. 1916–1967. М., 2006.
17. Шаламов В. Т. Воспоминания. М., 2001.
18. Иван Шухов. Современники и земляки о жизни и творчестве писателя. М., 2006.
19. Эйдельман Н. Я. Дневник Натана Эйдельмана / Публ. Ю. Мадоры-Эйдельман. М., 2003. Цит. по: <http://prozhito.org/person/254>. Дата обращения: 06.05.2018.